

К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И К 50-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ КОНЧИНЫ АРХИМАНДРИТА
КИПРИАНА (КЕРНА)

Монахиня Елена (Хиловская)*

Архимандрит Киприан (Керн)
и его «Путеводитель по русским
переводам патристических текстов»

Архимандрит Киприан (Керн) не избалован вниманием исследователей. Вся его сознательная жизнь протекала в «эпоху перемен», которая почти не оставляла шансов для элементарного выживания, не говоря уже об академической научной деятельности и преподавательской работе, тем более о существовании в замкнутом пространстве кельи или монастыря, сосредоточенном на внутреннем духовном мире. Однако вопреки обстоятельствам он сумел совместить и реализовать многие из этих задач — молитвенный подвиг и священническое служение, прокладывание новых путей в науке и воспитание новых поколений пастырей и исследователей. Разумеется, не все идеи ему удалось воплотить. Кроме того, совмещение перечисленных функций не всегда складывалось органично, как в силу обстоятельств, так и по его внутреннему переживанию, отчего многим, даже очень близким людям, он казался «странным», вызывал недоумение и иронию. Действительность во многих своих проявлениях была для него мучительной — он был человеком «не из этой эпохи» и уж конечно «не из этого мира», поэтому и уход в вечность был для него ожидаемым и радостным.

Кончина архимандрита Киприана вызвала к жизни ряд воспоминаний близких ему людей — писателя Б. К. Зайцева, философа В. В. Вейдле, его выдающегося ученика протоиерея Александра Шмемана. Однако по прошествии времени в среде его учеников и друзей не нашлось никого, кто захотел бы проанализировать жизненный путь о. Киприана, оценить его вклад в церковно-историческую науку. Свидетельства людей, знавших его непосредственно, остаются фрагментарными, а обращения к его наследию современных российских ученых и богословов не претендуют на исчерпывающую

* © Елена (Хиловская), мон., 2010

Монахиня Елена (Хиловская), заведующая справочно-библиографической службой Церковно-научного центра «Православная энциклопедия».

полноту. При этом большинство авторов, пишущих в наше время об архимандрите Киприане, переписывают одни и те же тексты (мемуаров, дневников, писем, некрологов), которых, к сожалению, до сих пор появилось в печати крайне мало.

Некоторые усилия по введению в научный оборот новых материалов (свидетельств) об о. Киприане 10 лет тому назад приложил журнал «Церковь и время», в котором были опубликованы несколько проповедей и писем Киприана (Керна) к духовной дочери Марине Феннелл (урожденной Лопухиной), а также воспоминания протоиерея Бориса Бобринского, духовного чада о. Киприана, ныне ректора Свято-Сергиевского православного богословского института¹. О. Борис, кстати, пишет о том, что в институте хранится обширный архив воспоминаний и дневников о. Киприана, однако этот материал до сих пор находится «под спудом». Некоторые факты из жизни о. Киприана упоминаются в его «Воспоминаниях о митрополите Антонии (Храповицком) и епископе Гаврииле (Чепуре)»², поскольку личности обоих владык описываются и раскрываются в связи с восприятием и обстоятельствами жизни самого молодого Керна. Эти воспоминания являются неоценимым материалом как для восстановления хронологической канвы, так и для понимания мотивов его выбора жизненного пути: богословие, преподавание (учительство), монашество, отказ от епископства, научная работа, богослужение (литургисание).

Константин Эдуардович Керн родился 11 мая 1899 г. в Туле в дворянской семье. Отец, имевший шведские корни, был профессором и директором Лесного института в Санкт-Петербурге. Мать происходила из старообрядческой семьи, что, по-видимому, и обусловило любовь о. Киприана к православной обрядности и глубокое понимание богослужения. «Моя мать, исключительно набожная и верующая женщина, в годы моей ранней юности постоянно проводила время, свободное от ее семейных обязанностей, в чтении духовных книг, посещениях церквей и религиозно-нравственных собраний. Она много встречалась с духовными лицами и церковными деятелями. Летом она из имения нашего ездила то в Оптину, то в Саров, то в Тихонову пустынь (Калужской губернии), или к Тихону Задонскому и Митрофанию Воронежскому»³. Константин Керн учился в петербургском Александровском лицее, но после того как в 1917 г. лицей по распоряжению А. Ф. Керенского был закрыт (по его словам, как «инкубатор для будущих превосходительств») перевелся на юридический факультет Московского университета. В это время Керн уже «сильно интересовался церковными делами, читал богословские книги, бывал на богослужениях Патриарха Тихона. Думал даже о поступлении в Московскую Духовную академию»⁴.

Среди опубликованных работ самого о. Киприана пока нет описания его участия в Гражданской войне в составе Добровольческой армии — об этом есть только упоминания в кратких биографических справках. Остается надеяться, что когда-нибудь эти сведения станут доступны. Пока лишь можно привести фрагменты воспоминаний архиепископа Василия (Кривошеина; 1900–1985 гг.), ровесника о. Киприана, представителя той же социальной

среды: «Решение поступить в Белую армию и сражаться против большевиков созрело во мне к зиме 1918–1919 года. Все в советском строе стало мне к тому времени неприемлемым и отвратным, и вместе с тем я осознал, что для меня в нем нет места. Нет жизни в буквальном смысле этого слова. И хотя я далеко не был уверен в конечном успехе Белой борьбы, принять участие в ней стало для меня жизненной потребностью. Я не в силах был сидеть сложа руки»⁵. Вероятно, подобное ощущение было и у о. Киприана, ибо, по свидетельству современников, даже спустя 40 лет в Париже он никогда не читал советских газет, а когда ему однажды дали какую-то из них, он, не читая, с отвращением выбросил ее в корзину для бумаг и немедленно вымыл руки.

Вместе с Добровольческой армией Керну удалось эмигрировать из России: из Крыма через Галлиполи в Сербию. Пароходы с русскими изгнанниками подходили к Константинополю с 15 по 23 ноября 1920 г., число эвакуируемых составляло около 150 тыс. человек, включая военных, женщин и детей. В числе эмигрировавших было и несколько архиереев во главе с митрополитом Антонием (Храповицким), имевшим титул экзарха Вселенского Патриарха для Галиции. В начале февраля 1920 г. в Белград прибыл поезд с 5 архиереями (архиепископом Евлогием (Георгиевским), архиепископом Минским Георгием (Ярошевским), епископом Сумским Митрофаном (Абрамовым), епископом Челябинским Гавриилом (Чепуром) и епископом Рыльским Аполлинарием (Кошевым), впоследствии Североамериканским), эвакуировавшимися из Новороссийска. Всех их радушно принял Патриарх Сербский Димитрий (Павлович; 1846–1930 г.), разместив в сербских монастырях на полном пансионе. На следующий день состоялась аудиенция у Престолонаследника, после которой им было вручено единовременное пособие в 1 тыс. динар, а в дальнейшие годы — ежемесячное пособие от Государственной комиссии по размещению русских беженцев. На предварительных переговорах посланцев Высшего Церковного Управления (ВЦУ) с Патриархом Димитрием было решено, что митрополиту Антонию предоставят покои в Патриаршем дворце в Сремских Карловцах, а остальным иерархам — в разных сербских монастырях. Весной 1921 г. митрополит Антоний прибыл в Сербию, а в июне—июле в Сремские Карловцы приехали члены ВЦУ, а также другие архиереи. «Югославия приняла русских беженцев без всякого выбора и разбора, по непосредственному чувству христианского милосердия: среди них были и беспомощные старики, и больные, и убогие, и туберкулезные»⁶.

Прибыв из Константинополя в Сербию, К. Керн поступил на юридический факультет Белградского университета и окончил его в 1922 г., затем поступил на богословский факультет, где в то время преподавали лучшие ученые и профессора российских духовных школ (историк А. П. Доброклонский, библеист Н. Н. Глубоковский и др.), который окончил в 1925 г. Н. М. Зернов писал о Керне: «В студенческие годы он был высокий, худой юноша со строгим лицом, носивший русскую рубаху навыпуск и сапоги. Эстет и поклонник Блока, он был в то же время славянофилом, отвергавшим Запад и прихотливо соединявшим в себе романтизм с трезвенностью православной церковности. Он увлекался бытовым благочестием, так безжалостно

растоптанным революцией, и был тонким ценителем красоты византийского богослужения. Поэтическая природа сочеталась в нем с острым критическим умом»⁷.

В 1921 г. возник небольшой кружок из русских студентов богословского факультета Белградского университета, ставший в 1925 г. Свято-Серафимовским братством. Инициаторами были Н. Н. Афанасьев (впоследствии протоиерей) и Н. М. Зернов, позднее присоединились В. В. Зеньковский, С. С. Безобразов (впоследствии епископ Кассиан), Ю. П. Граббе (впоследствии епископ Григорий) и др., председателем был избран Н. А. Клепинин, на собраниях бывали митрополит Антоний (Храповицкий), архиепископ Феофан (Быстров), епископ Гавриил (Чепур), епископ Николай (Велимирович). Темы докладов охватывали широкий круг проблем — от анализа святоотеческих творений до «Вопроса о совместимости христианства с законами экономики», «Причин русской революции» и т. д. Почти сразу в деятельности кружка возникло 2 течения: представители одного больше интересовались вопросами аскетике и молитвы, сторонники другого — православной культурой и миссионерскими задачами христианства. Эта разноплановость была полезной, поскольку давала участникам материал для дискуссий и обмена идеями⁸. Керн был одним из наиболее активных членов этого кружка, кроме подготовки докладов участвовал в работе первых съездов Русского студенческого христианского движения (РСХД) в Пшерове (1-й, Чехия, октябрь 1923 г.) и русском женском монастыре (бывший Леснинский) в Хопово (3-й, Югославия, сентябрь 1925 г.). В период обучения на юридическом факультете Керн стал бывать на исповеди у митрополита Антония, который служил в то время в Крестовой церкви Патриархии.

В то время в Белграде не было ни одного русского храма. Это создавало много проблем для русской диаспоры: приходилось наскоро приспособлять под богослужение самые разнообразные помещения. В частности, храм, который впоследствии стал выполнять функции кафедрального собора для русских, вначале располагался в переоборудованной столовой частного дома, потом в зале 3-й сербской гимназии. Позже административные органы Белграда отдали русским никому не нужный сарай (бывшую конюшню во время австрийской оккупации) с участком земли, где и была впоследствии воздвигнута небольшая каменная церковь в псковско-новгородском стиле. Обстановка церкви была крайне бедной, к тому же однажды ночью, накануне Великой субботы, жулики взломали дощатый сарай-храм и украли немногие вывезенные в эмиграцию сосуды и некоторую утварь. Единственным архиерейским облачением было то, которое в 1913 г. митрополит Антоний подарил Патриарху Димитрию в его приезд в Россию и которое Патриарх отдал обратно митрополиту, оказавшемуся теперь в Сербии.

Как вспоминал о. Киприан, «будучи еще юристом, я принимал все больше и больше участия в обслуживании русской церкви. Сначала в зале гимназии на Негошевой улице, потом в сарае на Старом кладбище, на каковом месте потом и была выстроена русская церковь, я помогал старосте Е. М. Киселевскому в устройстве переносного иконостаса, в хранении и поддержании сначала

весьма скромной, а потом и более богатой ризницы, в пономарстве, в чтении. Владыка все чаще и чаще приходил в нашу церковь, иногда просто стоял в алтаре, а иногда и служил»⁹. Именно у владыки Антония Керн получил первые уроки пастырства, как на исповеди, так и в непринужденных беседах в кругу близких к митрополиту людей, собиравшихся несколько раз в неделю в его покоях «поужинать» (для некоторых приглашенных это был почти единственный способ не умереть с голоду). Среди этих близких были архиепископ Феофан (Быстров), епископ Гавриил (Чепур) и некоторые другие архиереи, а также священники, монахи и даже студенты. Обсуждались вопросы, имеющие общецерковную значимость, текущие канонические проблемы, анализировалось прошедшее или предстоящее богослужение как в догматическом, так и в историческом аспектах, вопросы духовной жизни и проч. Тон задавал сам митрополит Антоний, который, обладая широким кругозором в богословских и гуманитарных вопросах и непререкаемым авторитетом, старался не навязывать свою точку зрения окружающим, позволяя всем высказаться, а если был категорически не согласен, то всесторонне аргументировал свою позицию.

С учетом того, что в предреволюционные десятилетия, когда русская богословская и церковно-историческая наука достигла наивысшего развития, владыка был последовательно ректором нескольких семинарий и академий и, разумеется, был в курсе большинства научных тенденций и разработок, понятно, что практически для всех присутствующих студентов эти беседы стали вторым вузом. «Очень быстро Антоний стал моим авторитетом, почти кумиром. Я им увлекся, в него влюбился, был им покорен. Я думаю, это же пережили в свое время все те поколения семинаристов и студентов, которые имели радость учиться под началом митрополита, которые им были спасены от угара революции, от пресноты безверия, от бесплодности рационализма; были — немало среди них — привлечены, чтобы не сказать увлечены в монашество и потом составили целое поколение русского ученого иночества и епископата»¹⁰. «Его природный независимый ум и широкая образованность дополнялись... покоряющими душевными особенностями, глубиной любящего сердца, верою в возможность нравственного преобразования человека, чарующею простотою»¹¹. Впоследствии, уже сформировавшись как ученый, Керн осознал, что «начитанность в Писании (равно как в канонах и церковном уставе) была у него [митрополита Антония.— м. Е.] поражающая. Но потом-то я прекрасно понял, что “учености”, знания библиографии вопроса у него не было. Он, отойдя от Академии, быстро отстал и от науки»¹². Со временем у Керна появились и другие «претензии» к владыке Антонию, например, что он «мало отдает внимания мистике пастырства»¹³.

Одним из наиболее ярких архиереев белградского периода в жизни Керна, оказавшим влияние на всю его судьбу, был епископ Челябинский и Троицкий Гавриил (Чепур)¹⁴. По словам о. Киприана, впервые он увидел епископа Гавриила в 1923 г., «вечером в белградской русской церкви, когда она помещалась в старом сарае»¹⁵. На следующий день владыка этот совершенно меня ослепил. Была вторая неделя Великого поста, память св. Григория Паламы.

Я... мало себе представлял духовный облик и богословское значение этого святого. Что-то из учебника церковной истории я знал¹⁶ о фаворском свете, о каком-то Варлааме, об исихастах, но в чем там было дело, я не мог себе ясно представить. Владыка... сказал, что будет говорить проповедь... Как только он произнес первое слово, стало ясно, что это что-то совершенно необычайное... Владыка говорил... так, что было всем ясно, что этот свет и самих исихастов проповедник видит, чувствует, переживает своим собственным опытом. Проповедь лилась неудержимым потоком, сверкая своими поэтическими образами, осыпанная литургическими текстами, выдержками из Писания, литературными, изящными оборотами... Я забыл эту проповедь в ее буквальных выражениях, но ее содержание, весь ее духовный смысл и внешнюю красоту чувствую и переживаю, хотя и прошло с того дня больше четверти века... Св. Григорий Палама, сверкнувший в словах Преосвященного Гавриила своим немеркнущим фаворским светом, на всю мою дальнейшую жизнь загорелся сиянием и осветил весь мой путь... Не тогда ли бессознательно зародилась мысль о научном интересе к паламизму?»¹⁷.

Владыка Гавриил «был тонкий литургист, отличный знаток истории каждого чина, ценитель и знаток богословского смысла каждого последования, каждой молитвы, каждой стихире. В нем сочеталось многое: ослепительный талант, художник, знаток устава, богослов. Он был проникнут тем же духом, что и его друг Скабалланович»¹⁸. Он «провидел сквозь ткань богослужебных песнопений, подобнов, нотных мелодий и пр. богословское значение этого праздника, его мистическую сущность, его метафизику, его “идейный мир”... Сквозь ткань богослужебных песнопений просвечивал головокружительный узор теологием и догматами. Он... всегда любил вскрыть исторический смысл и происхождение данного возгласа, молитвы или песнопения»¹⁹. «Епископ Гавриил, наш не академический Учитель литургики, внушил мне интерес к историческому анализу нашего богослужения, к сравнению наших обычаев с греческими и южнославянскими. Это благодаря ему я с жадностью накнулся на Дмитриевского, со всеми его для неспециалиста... скучными и малопонятными описаниями рукописей Тишиконов и Евхологиев, на Мансветова, на Скабаллановича, на занятие богослужебными текстами, сравнение их переводов и вариантов и пр. Он поощрял нас заниматься первоисточниками»²⁰.

Еще учась в университете, Керн стяжал себе репутацию знатока литургики и будущего ученого в этой области, чему способствовали его ревностное отношение к храму, а также близость к епископу Гавриилу. Свое выпускное сочинение он написал по кафедре литургики об историческом развитии греческого текста литургии св. Иоанна Златоуста (руководителем был профессор о. Лазарь Миркович), а также дебютировал в студенческом журнале с литургической статьей, ставшей потом заглавной для сборника «Крины молитвенные». «Встреча с епископом Гавриилом, наши литургические беседы и интерес к богослужению не пропали для меня даром. Я на все, следуя методам и пути епископа Гавриила,— и на Писание, и на отцов, и на аскетику, и на все вообще не разделенное схоластически на рубрики богословие — научился и привык смотреть с точки зрения богослужебной, рассматривал все это

литургически. Литургическое богословие стало для меня каким-то направлением моей мысли. Скажу так: епископ Гавриил, собственная жизнь и мысленный мой путь определили для меня литургику скорее не как предмет, а как метод. Я стал подходить ко всему литургически, а еще уже — евхаристически»²¹.

После окончания университета Керн стал преподавателем литургики, апологетики и греческого языка духовной семинарии св. апостола Иоанна Богослова Сербской Православной Церкви в Битоле (Южная Сербия, ныне Македония), а также помощником инспектора семинарии. Здесь уже было несколько русских преподавателей, а с 1929 г. приехал иеромонах Иоанн (Максимович), будущий великий святитель, преподававший в Битоле пастырское богословие и церковную историю. «По времени я был первым из русских, окончивших богословский факультет. Да и сербов было еще немного... В Министерстве вероисповеданий я подал прошение о зачислении меня в духовную семинарию преподавателем... У меня было желание, вполне продуманное, уехать подальше от Белграда, посидеть в тишине и глуши, подумать перед принятием священства»²². Именно в этот момент он получил приглашение от Свято-Сергиевского Богословского института в Париже стать профессорским стипендиатом для подготовки к кафедре литургики. «Предложение было исключительно заманчивым. После факультета сразу же [появилась] возможность готовиться к профессорскому званию, жить в Париже, работать в обществе о. Сергия Булгакова, проф. Карташева, Зеньковского, С. С. Безобразова, всех моих друзей по Белграду, которые постепенно переселялись в Париж. А с другой стороны... нравственное обязательство отработать сербам за то, что на меня затратили, как-то и чем-то отплатить тому народу и королю, которые мне спасли жизнь и дали возможность стать человеком»²³. Близкие люди, а также митрополит Антоний отсоветовали Керну ехать в Париж. Владыка, в частности, сказал: «Лучше Вам сначала пройти через преподавательство в средней школе, в семинарии. Семинария Вас научит гораздо больше и жизненным вопросам, и самим богословским предметам. Вы в семинарии будете вынуждены преподавать и Священное Писание, и историю, и литургику и т. п. А в высшей школе Вы станете сухим и узким специалистом»²⁴. Позднее, в 1947 г., о. Киприан написал, что «тогда в Париж мне ехать было не полезно. Мне нужно было пройти свой путь по Востоку, и надо сказать, что Промысл начертал для меня исключительно важный и интересный путь: Македония, Палестина, Египет, снова Македония. А потом, когда обстоятельства сильно изменились, и когда я сам очень вырос и изменился, я попал в Париж и в тот же Богословский институт»²⁵.

Битольская семинария помогла Керну прояснить свои интересы в академической сфере: греческий язык, который он очень любил (в частности, занимаясь сравнением перевода богослужебных книг на церковнославянский), толкование Священного Писания, литургики и др. Кроме того, его попытки сделать преподаваемые предметы более живыми, а внеклассную атмосферу более непосредственной, обеспечили ему не только дополнительную эрудицию, широту богословских взглядов, но также и любовь воспитанников семинарии. «Сам я, не принадлежа ни к духовному сословию, ни к нашей рус-

ской семинарской и академической науке, очень тем не менее рано заинтересовался русской богословской школой и нашей духовной наукой. С первых дней моего студенчества на богословском факультете я читал с увлечением имевшиеся налицо номера старых богословских академических журналов, а главным образом — протоколы заседаний Совета Академий, с рецензиями профессоров на академические диссертации, протоколы магистерских диспутов и т. д. Меня всегда привлекала эта стороны жизни школы, эта лаборатория мысли и весь процесс создания научной книги, ее обработка, ее критика, рецензирование ее и все постепенное и упорное воспитание научного творчества»²⁶. За годы преподавательской работы в Битоле Керн опубликовал несколько статей в сербских богословских журналах²⁷, в 1928 г. напечатал (частично) свои лекции по литургике в книге «Крины молитвенные»²⁸. Именно в Битоле он нашел себя в изучении наследия свт. Григория Паламы: «Еще в Македонии, в бытность мою преподавателем и инспектором Сербской Дух[овной] семинарии, я, сначала шутя и ради убийства времени, а потом серьезно и с увлечением начал переводить с греческого произведения св. Григория Паламы, знаменитого византийского мистика XIV в. Тут, в Париже, с год тому назад я закончил перевод всего, что напечатано у аббата Migne. (Многое еще в рукописях хранится по библиотекам.) Рядом с этим начал писать и исследование о Паламе, собственно об его антропологии»²⁹.

Постепенно Керн пришел к мысли принять монашеский постриг. Отчасти этому способствовало общение с инспектором Битольской семинарии архимандритом Николаем (Карповым), бывшим студентом Московской Духовной академии. Когда весной 1926 г. в беседе с митрополитом Антонием Керн высказал свое намерение постричься в монашество, владыка посоветовал ему подождать еще хотя бы год. 17(30) января 1927 г. Керн все же подал прошение митрополиту Битольскому Иосифу (Сербская Православная Церковь) и 2(15) апреля³⁰, на 6-й седмице Великого поста, он был пострижен в русском монастыре Введения во храм Пресвятой Богородицы (местечко Мильково Бранической епархии), войдя таким образом в клир Сербской Православной Церкви. Постриг совершал архимандрит Николай (Карпов), давший Керну (по выбору митрополита Антония) новое имя Киприан, в честь свт. Киприана, митрополита Киевского (XIV в.), серба по происхождению, ученика Патриарха Филофея и, возможно, свт. Григория Паламы.

Через день, 4(17) апреля, в праздник Вербного воскресенья, в храме Патриаршей резиденции в Белграде о. Киприан был рукоположен митрополитом Антонием во иеродиакона, а в Великий четверг (8(21) апреля) — во пресвитера. «Это для меня осталось знамением на всю жизнь, — рукоположение в день установления таинства Евхаристии как бы предназначало мое священство как преимущественное таинство»³¹. Обе хиротонии происходили при сослужении митрополиту Антонию архиепископа Анастасия (Грибановского), которому очень понравилось, как о. Киприан читает Евангелие, произносит ектении, и он выразил желание видеть новопоставленного батюшку в своем окружении, что впоследствии сыграло значительную роль при выборе кандидата для несения послушания в Палестине.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Весной 1928 г. о. Киприан получил предложение от Синода РПЦЗ стать начальником Русской духовной миссии в Иерусалиме. Он отказался, сославшись на необходимость преподавания в семинарии и на свою принадлежность к клиру Сербской Православной Церкви. Однако Карловацкий синод, даже не согласовав свое решение с иерархией Сербской Церкви и несмотря на вторичный отказ самого о. Киприана, назначил его на эту должность. 25 июня (7 июля) 1928 г. о. Киприан был возведен в сан архимандрита и в ноябре того же года официально принял дела миссии. По словам самого о. Киприана, он «не хотел ехать в Палестину... предполагал, что самой Палестины, библейского Иерусалима, тишины галилейских пейзажей мне не видать. Я знал, что меня посылают... на весьма тяжелое послушание, чтобы выплачивать какие-то долги, сделанные еще до войны 1914 г., чтобы налаживать натянутые отношения с Палестинским обществом, чтобы распутывать какие-то затруднения с греками, т. е. с [Иерусалимской] Патриархией, чтобы лавировать среди каких-то монахинь и оставшихся после войны паломниц... И все это должен делать я, 29-летний молодой человек, едва посвященный в священный сан, без опыта... наших довоенных начальников и, что самое главное, без того ореола Российской империи и ее поддержки»³². Общий фон интриг, происходивших в Иерусалимской и Константинопольской Патриархиях, непроясненность юрисдикции Карловацкого синода, долги по землям, купленным начальником Русской духовной миссии накануне 1917 г., готовность многих стран сотрудничать с советским правительством, желавшим получить прибыль с продажи собственности Русской духовной миссии, и многие другие серьезные проблемы отягощались распрями в среде оставшихся насельниц палестинских монастырей. В течение 10 лет эти сложные вопросы осторожно решал архиепископ Анастасий³³, которого поддерживал английский консул (мандат на управление Палестиной до 1948 г. был у правительства Великобритании). Владыка Анастасий пользовался чрезвычайным доверием англичан, в частности, именно он, с их точки зрения, мог совершать сделки по продаже собственности, чтобы Русская духовная миссия могла хоть как-то сводить концы с концами. И, разумеется, ему нужен был помощник, на роль которого, как ему казалось, оптимально подходил о. Киприан, имевший юридическое и богословское образования, с детства свободно владевший несколькими европейскими языками. Однако никакие внешние достоинства не могут привести к успеху, если человек психологически не соответствует предлагаемым обстоятельствам. Во всяком случае, о. Киприан, который был полностью сосредоточен на своей внутренней духовной жизни, чрезвычайно строго относившийся к исполнению своего монашеского правила и делавший исключение только для науки, не смог стать для архиепископа Анастасия по-настоящему полезным помощником. В этом смысле совершенно прав оказался владыка Гавриил (Чепур), который «очень не хотел моего отъезда в Палестину... Особливо он боялся для меня трудных служебных отношений с архиепископом Анастасием. И он был прав. Архиепископ был слишком авторитарен и, пользуясь своим огромным по сравнению со мной опытом, он меня давил. Я не имел силы ему отказывать... Нервозность, бессонницы, неудов-

летворенность создали то, что я очень скоро запросился в отставку... Свое молодое самолюбие я удовлетворил, делу не помог, митрополита Антония поставил в затруднительное положение, сербам дал повод для лишней критики русских дел, церковным обывателям — пищу для сплетен»³⁴.

Не сработавшись с архиепископом Анастасием, архимандрит Киприан в 1930 г. возвратился в Сербию, где издал монографию о бывшем начальнике Русской духовной миссии (в 1855–1894 гг.), видном ученом-археологе архимандрите Антонине (Капустине). Два года на Востоке не прошли для о. Киприана даром; впечатления об особом строе древней православной жизни и ее духовной традиции, возможность улучшить знание греческого языка — все это стало для него фундаментом будущих исследований. «Монастыри XIV века, старые монахи, гостеприимство жителей, божественное греческое пение, их сельские священники, являющиеся в сущности настоящими носителями православия и церковности... Когда-то я дышал этим воздухом, оживлялся у этих огней, любовался строгим ликом греческого благочестия... Наслаждайтесь, упивайтесь Грецией. Она и только она наша мать»³⁵. Кроме того, на всю жизнь о. Киприана наложила отпечаток личность самого архимандрита Антонина (Капустина) — одного из первых выдающихся русских ориенталистов, знатока истории, языков, местных обычаев, литургиста, археографа и др. Поскольку за 2 года, проведенных в Иерусалиме, о. Киприан фундаментально проработал рукописи архимандрита Антонина (многие из которых до сих пор не изданы), впоследствии на разные явления церковной жизни он смотрел как бы его глазами, постоянно его цитируя. Кроме того, впечатления от увиденного на Востоке за эти годы дали ему другую перспективу для оценки церковно-исторических событий, в частности, он совершенно по-другому стал воспринимать позицию Карловацкого синода, с которым и разошелся почти сразу же по возвращении в Сербию.

Вернувшись из Палестины, о. Киприан в 1931–1936 гг. вновь преподавал в Битольской Духовной семинарии Сербской Православной Церкви. В этот период он дважды отказывался от епископской хиротонии — вначале от предложения митрополита Антония (Храповицкого) войти в епископат РПЦЗ, затем, в 1933 г. — от предложения Сербского Патриарха Варнавы (Росича) стать епископом Сербской Православной Церкви, клириком которой он официально состоял. В этот период архимандрит Киприан окончательно покинул РПЦЗ. Впоследствии он так вспоминал об этом решении и о своей жизни в Сербии в 1930-х гг.: «С юрисдикцией митрополита Антония я решительно порвал... Его я не переставал любить и чтить, но всю “антониевщину”, все “карловацкое” окружение не принимало мое сердце. С русскими архиереями и в русских церквях я не служил... Меня больно коробило все более крайнее политиканство карловчан... их невероятно провинциальное отношение к делам Русской Церкви»³⁶.

В 1936 г. архимандрит Киприан, приняв предложение митрополита Евлогия (Георгиевского), ректора Свято-Сергиевского Православного богословского института, который находился в юрисдикции Вселенского Патриарха, переехал в Париж. В институте он стал доцентом кафедры литургики

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

и преподавал с 1936 по 1948 г.; кроме того, ему поручено было преподавание греческого языка и пастырского богословия, а позднее — патрологии. Итогом лекционного курса по пастырскому богословию стала серия статей, в частности, в институтском ежегоднике «Православная мысль»³⁷ и журналах³⁸, а впоследствии — учебник «Православное пастырское служение»³⁹. Архимандрит Киприан по своему происхождению и из-за совершившихся в пору его юности исторических событий не получил традиционного для русского духовенства образования, основы которого закладывались в духовном училище и семинарии. Однако, «будучи педагогом, преподавателем богословских дисциплин в семинарии и инспектором богословского института, он много думал о том, какой должна и какой не должна быть православная духовная школа»⁴⁰. Он вновь обратился к памяти митрополита Антония (Храповицкого): «Вышедший не из духовного звания, не плененный схоластическими построениями старинных учебников, сам человек большой светской просвещенности, природного ума и огромной церковной интуиции... Антоний поистине “сделал весну” в истории русской духовной школы вообще и пастырского богословия в частности... “Новизна” направления Антония состояла именно в традиции, что он звал к возвращению вспять... к духу святоотеческого пастырствования»⁴¹. И хотя митрополит Антоний в свое время так и не создал целостного учебника по пастырскому богословию⁴², влияние его статей на структуру и концепцию учебника архимандрита Киприана очевидно: на протяжении почти всего текста о. Киприан прямо или косвенно либо ссылается на статьи и лекции митрополита Антония, либо полемизирует с ним, либо защищает его позицию от явных или скрытых нападок. Несомненным новшеством учебника являются размышления о. Киприана о влиянии индивидуальной молитвы и литургической жизни на духовную жизнь пастыря и как следствие — на его отношения с пасомыми, на его психологическую проницательность, на способность проявить любовь и снисходительность. Нельзя сказать, что эти вопросы отсутствовали до тех пор в русской патрологии, но та степень проникновенности, которая свойственна рассуждениям о. Киприана, основана на глубоком личном молитвенном опыте, а также на его обширных знаниях святоотеческих творений.

В начале 1920-х гг. «русская эмиграция представляла собой двухмиллионную массу людей, половина которых принадлежала к верхним руководящим слоям нации. Она, конечно, бессознательно подвергалась неизбежному растворению в лоне иных культур и иных государств... Самым упорным и неразстворимым ядром русского религиозного и национального самосознания оказалась православная Церковь. Последняя, для того чтобы иметь возможность выжить в беженских условиях и продолжать организованное существование, нуждалась в богословской школе»⁴³. С 1921 г. по благословению митрополита Евлогия (Георгиевского), тогда занимавшего кафедру в Берлине, в Париже в помещении Русской гимназии функционировали Высшие православные богословские курсы, где преподавали А. В. Карташев, Т. А. Амелистов, протоиерей И. Смирнов, протоиерей Н. Сахаров. Постепенно в разных кругах эмиграции от Праги до Шанхая, уже получивших опыт малой

эффективности разного рода богословских курсов и факультетов, сформировалось мнение о необходимости устроить центральную Высшую богословскую школу для русских именно в Париже, куда митрополит Евлогий в 1923 г. перенес свою кафедру и где была наибольшая концентрация русских интеллектуальных сил. Не осмеливаясь назвать будущее учебное заведение духовной академией, устроители назвали ее Богословским институтом в память и продолжение традиции тех богословских институтов, которые несколько лет полуподпольно существовали в Москве и в Петрограде в 1919–1921 гг. после закрытия советской властью духовных академий и семинарий.

В 1924 г. на пожертвованные средства был приобретен на аукционе участок земли с бывшей немецкой кирхой, произведен необходимый ремонт, освящена церковь, и 30 апреля 1925 г. начались занятия по подготовительному курсу, а с октября — уже по плану высшей школы. Институт быстро стал ведущей православной школой, подготовив сотни священников, десятки учителей, редакторов, иконописцев, регентов и мирян, работавших в церковных, научных, социальных и других учреждениях практически на всех континентах. Публикации профессоров института, активное участие его сотрудников в конференциях, выступления его хора не только усиливали внимание к русской диаспоре, но и заметным образом увеличивали вклад православных богословов в развитие христианской науки. Профессорами Института были С. С. Безобразов (будущий епископ Катанский Кассиан), В. В. Зеньковский, В. Н. Ильин, Б. П. Вышеславцев, Г. П. Федотов, В. В. Вейдле, для эпизодических лекций также приглашались С. Л. Франк, Н. О. Лосский, Н. Н. Глубоковский, С. В. Троицкий. Одним из важнейших направлений в курсе обучения была патрология (во многих случаях и на Западе, и в русской среде пользовались термином «патристика», по-разному его истолковывая).

По предложению протоиерея Сергея Булгакова (профессора догматического богословия) патристику (патрологию) в Свято-Сергиевском богословском институте с 1926 г. преподавал Г. В. Флоровский. Однако пребывание Флоровского в институте при его независимом характере постепенно стало осложняться конфликтами с протоиереем Сергием Булгаковым и его окружением. И хотя эти конфликты происходили в чисто интеллектуальной сфере («встреча разных полюсов мысли»), Флоровский стал больше времени проводить за рубежом, читая лекции в качестве приглашенного преподавателя и участвуя в различных конференциях. В 1939 г. Флоровский, выехав для участия в экуменическом движении «Вера и устройство» в Швейцарию не смог вернуться в Париж в связи с началом Второй мировой войны и переехал в Югославию, где преподавал в русских эмигрантских учебных заведениях. В 1944 г. он бежал в Чехословакию и уже только в декабре 1945 г. вылетел в Париж. Поскольку Свято-Сергиевский богословский институт не прекращал занятий в период оккупации Франции немецкими войсками, с 1940 г. преподавание курса патристики было передано архимандриту Киприану (Керну), а о. Георгию было предложено чтение курсов догматического и нравственного богословия (в связи с кончиной в 1944 г. протоиерея Сергея

Булгакова). Так и не найдя взаимопонимания с преподавательской корпорацией института, Флоровский в сентябре 1948 г. отбыл в Америку на должность профессора догматического богословия и патристики в Свято-Владимирской православной духовной семинарии в Нью-Йорке.

Еще будучи студентом богословского факультета Белградского университета, Керн «тяготел к отцам Церкви, к религиозной философии. Привлекала меня патристика, хотя именно на этом экзамене я с треском провалился... Около патрологии я все время ходил, отцов читал, в них вникал. К этому меня, конечно, особенно привлек третий из моих ученых архиереев на белградском горизонте, знаменитый архиепископ Феофан Полтавский, бывший ректор Санкт-Петербургской академии. Но патрология и отцы мне не давались. То в семинарии заставляли меня преподавать греческий и апологетику или Священное Писание, то просто оторвали на три года от семинарии и послали в миссию в Иерусалим. Только уже в Париже, и то не сразу, я был выбран профессором на эту кафедру»⁴⁴.

Как вспоминает протопресвитер Б. Бобринский, нынешний ректор Свято-Сергиевского богословского института, «курс патрологии о. Киприана был примером педагогического таланта и умения ввести нас в духовный мир отцов Церкви и полюбить их»⁴⁵. Это мнение подтверждают выдающиеся исследователи, бывшие ученики архимандрита Киприана. «Отец Киприан был замечательным учителем. Здесь был его настоящий дар, настоящее призвание... Своей любовью к богословской школе — в прошлом, настоящем и будущем, тем, что она стала для меня не только призванием, но и жизненным сокровищем, я обязан всецело о. Киприану»⁴⁶. «Особенность его лекций была в том, что он заражал слушателей своей любовью к тому, о чем он читал... Никто так, как о. Киприан, не умел вдохновить, увлечь на путь не только умственного постижения, но и любви. На молодые души он действовал неотразимо, особенно своим чтением по литургике. Для многих и многих богослужение стало реальностью, насущной и желанной, благодаря ему»⁴⁷. По свидетельству А.-Э. Тахиаоса, современного греческого богослова и историка Церкви, получившего в 1950-х гг. образование в Свято-Сергиевском институте, «обнимая одновременно две области богословия — литургику и патрологию, о. [Киприан] Керн обладал широким взглядом на святоотеческую мысль. В Греции в то время патрология отличалась главным образом филологическим изучением сочинений свв. отцов, особенно тех, которые жили до эпохи Иоанна Дамаскина. Напротив, в кругах русских богословов начала нашего столетия был распространен интерес как к обобщающему анализу патристической мысли, так и к оценке богословия двух последних веков Византийской империи. В Св. Сергии были явными патрологические интересы именно такого рода... Изучая предшественников св. Григория Паламы, о. [Киприан] Керн не делал по сути ничего другого, но лишь подчеркивал те моменты неразрывной традиции, которые существовали во взглядах и богословском опыте греческих отцов Востока. Обращение греческих богословов 50-х годов к изучению византийской мистической теологии, несомненно, имело своим началом работу русского богословия в этом направлении. Фун-

даментальные и основополагающие исследования о. [Киприана] Керна и И. Ф. Мейендорфа о св. Григории Паламе, а также работы В. Н. Лосского и архиепископа Василия (Кривошеина), о которых нельзя забывать в этой связи, открывали поистине новую эпоху»⁴⁸.

В России о. Киприан как патролог оказался интересен и актуален прежде всего в связи с его исследованиями творений свт. Григория Паламы (и сопутствующими этим исследованиям переводами, которые, к сожалению, до сих пор не опубликованы — ссылки на рукописи имеются в его «Путеводителе...»). Тема наследия свт. Григория Паламы крайне редко звучала в духовных академиях до 1917 г.⁴⁹ Тем удивительнее «взрыв» интереса к этому святителю и тому, что теперь называют «паламизмом» в русской эмиграции: Г. А. Острогорский, архиепископ Василий (Кривошеин) (тогда иеромонах), о. Киприан (Керн), чуть позже протоиерей Иоанн Мейендорф. Как пишет профессор А. И. Сидоров в предисловии к переизданию книги архимандрита Киприана, «в общей традиции православного изучения творчества святителя данный труд занимает свою, особую “нишу”, ибо в центр своего исследования отец Киприан поставляет учение о человеке Паламы. Далее это учение рассматривается им как на фоне всего богословского мирозерцания святителя, так и в культурно-историческом контексте современной ему эпохи, что является несомненным и чрезвычайно важным достоинством книги. Более того, архимандрит Киприан предстает перед нами как своего рода “первооткрыватель” в том плане, что впервые в православной науке его книга содержит обширный очерк всей святоотеческой антропологии. Этот факт следует особо подчеркнуть, ибо столь существенная часть Богомыслия святых отцов, как учение о человеке, часто оставалась на периферии видения православных ученых и богословов»⁵⁰. Сам о. Киприан, размышляя о тайне сотворения человека, пишет: «Наиболее возвышенные и тонкие писатели и мыслители, будь то теологи диалектического склада или мистики символического направления, уже давно (свт. Григорий Богослов и Григорий Нисский и мн[огие] др[угие]) обращали внимание на сложность человеческого естества, на сопряженность его из двух разнородных природ, духовной и телесной, и на рождающиеся отсюда конфликты и противоречия. Это наложило на святоотеческое восприятие человека печать апофатичности. Человек был и остается криптограммой, которую не дано человеческому уму расшифровать»⁵¹. В 1945 г. за монографию о свт. Григории Паламе архимандрит Киприан получил ученую степень доктора церковных наук и звание профессора Свято-Сергиевского богословского института.

В духе «паламизма» 8 февраля 1942 г. архимандрит Киприан сделал доклад на годовом акте в Свято-Сергиевском институте на тему «Ангелы, иночество, человечество», где он размышлял о тайне иноческого служения Богу и миру и парадоксальным образом сопрягал это служение с культурно-просветительской функцией и научными занятиями: «Иноки должны быть ангелами-хранителями мира, служить миру и продолжать в этом направлении линию ангельского служения. Это служение может проходить в непосредственном контакте с этим миром или же быть пустынным, анахоретским,

от мира географически отделенным, но зато еще более тесно связанным метафизически, духовно, молитвенно». Однако «подвиг заключается не только в физическом труде... Наука тоже подвиг! Систематические археологические раскопки... кропотливая работа над критикой текста, сличение рукописей и вариантов, годы и десятилетия добросовестного изучения первоисточников — все это возможно... только в условиях организованной и систематической научной работы». По мнению о. Киприана, «нужны не только монастыри, издающие благочестивые брошюры и печатающие богослужебные книги... Нужно охранение ученых работников в обителях»⁵². Этот крик души, не нашедшей в сложных жизненных обстоятельствах оптимальных условий для своих творческих устремлений и ученых занятий, перекликается со статьей Б. А. Тураева «Проект обители ученых иноков»⁵³: «Культурное могущество Запада... снабдило ученое монашество всеми средствами современной цивилизации и дало ему возможность широко развить деятельность не только в Западной Европе и ее колониях, но и на Востоке, ко вреду и подрыву православия... Неужели великий православный и вообще восточнохристианский мир не имеет средств для создания подобных центров благочестия?... Слишком очевидна их необходимость для Церкви, особенно в наш век... Прошлое убеждает нас в том, что только печальные судьбы Восточных Церквей не дали в них развиться тому, что и на их почве должно было расцвести... Это заставляет нас настаивать на необходимости создания у нас такого центра, который объединил бы в себе ученое монашество и предоставил ему все средства для развития дарований и плодотворной деятельности»⁵⁴. Несомненно, о. Киприан был знаком с этим докладом хотя бы в устном изложении бывших членов Поместного собора 1917–1918 гг. (возможно, эта тема обсуждалась в кругу митрополита Антония (Храповицкого) еще в Белграде), идея эта была ему чрезвычайно близка, поскольку кратковременный опыт пребывания в монастыре (в связи с его монашеским постригом) принес ему много разочарований: братия Мильковской обители, состоявшая исключительно из «простецов», честно подвизалась по примеру всех русских монастырей — молитвой и физическим трудом, а чтение книг воспринимала как вредную «блажь». Тем обиднее было ему наблюдать за жизнью католических монахов бенедиктинского и других орденов, к услугам которых были прекрасные библиотеки, типографии, общение в равной интеллектуальной среде. Научная продукция этих монашеских научных институтов до сих пор изумляет своим размахом и качеством⁵⁵.

О. Киприан любил уединение и классическую науку. Это диссонировало как со стилем Свято-Сергиевского института того периода, так и с духом русской эмиграции вообще. Основной интерес в ту пору составляли «общественно значимые» темы: судьбы России, перспективы возвращения, катехизация молодежи; позже — поиск взаимопонимания с другими конфессиями (отсюда и экуменическая деятельность), перспективы православия на Западе (вместе с проблемами экклезиологии, перевода текстов на современные европейские языки) и т. п. В этих обстоятельствах классическая наука была «неактуальна» и казалась чрезмерной роскошью, а сам о. Киприан выглядел «странным».

«Насколько он не любил заседания и комитеты, настолько высшее оправдание и смысл находил в литургии и молитве»⁵⁶. Однако именно о. Киприан стал инициатором и организатором «Литургических съездов» (их еще называют «Неделями литургических исследований») — международных конференций по проблемам литургики при Богословском институте. Первый съезд прошел в 1953 г., и до сих пор они проводятся практически ежегодно, являясь крупнейшим межконфессиональным форумом литургистов и патрологов. Каждый конгресс, как правило, посвящен одной теме (например, «Литургическая молитва», «Литургия, этика и народ Божий», «Троица и литургия», «Церковь в литургии» и т. д.).

Возможно, что именно в результате общения архимандрита Киприана с литургистами и патрологами разных стран и конфессий возникла идея создания справочного издания, которое ознакомило бы европейских исследователей с материалами, посвященными переводческой деятельности русских богословов в сфере святоотеческого наследия. История создания справочника «Les traductions russe des textes patristiques» (Chevetogne, 1957) не описывается его современниками (в лучшем случае они лишь упоминают факт создания «Путеводителя...», никак его не анализируя), однако у ряда авторов, поддерживавших с архимандритом Киприаном дружеские отношения, бывавших в его келье (протоиерей Б. Бобринский и др.), есть свидетельства о том, что в течение ряда лет он работал над картотекой русских церковных деятелей. Более точные сведения не приводятся, однако известно, что эта картотека вместе с его неопубликованными работами хранится в архиве Свято-Сергиевского института. Возможно, она как-то связана с рабочими материалами для подготовки «Путеводителя...», однако собственные комментарии автора по этому поводу отсутствуют. «Путеводитель...» был подготовлен при участии бенедиктинского монастыря в Шевтони (Бельгия), где и было осуществлено его издание. Кроме того, рукопись «Путеводителя...» обсуждалась в редакции журнала «Irenikon», с которым сотрудничал о. Киприан и напечатал в нем несколько статей и рецензий⁵⁷. Парадоксальным образом судьба этого справочного издания оказалась значимой не столько для зарубежных исследователей, сколько для российских, хотя здесь его актуальность проявилась несколько позже.

Особая сторона жизни о. Киприана — богослужebная — в Париже складывалась непросто. По приезде его в 1936 г. он был направлен митрополитом Евлогием (Георгиевским) для пастырского служения в Покровский храм на улице Лурмель и окормления общины «Православное дело», во главе которой стояла монахиня Мария (Скобцова)⁵⁸. М. Мария была пострижена в монашество владыкой Евлогием весной 1932 г., и вначале никто не мог представить, насколько необычным будет ее дальнейший путь. Спустя несколько месяцев м. Мария обосновала митрополиту Евлогию свою идею нового типа монашества, посвятившего себя жертвенному служению на ниве благотворительности (главным образом, для нуждающихся и больных русских эмигрантов). С этой целью была создана православная благотворительная организация, на собранные ею деньги снята вилла де Сакс (Villa de Saxe),

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

в которой разместился пансион для малоимущих одиноких женщин. В одной из комнат дома был создан храм Покрова Пресвятой Богородицы. Священником при храме несколько лет служил перешедший из католичества в православие в 1927 г. иеромонах Лев (Жилле), бывший одновременно настоятелем православного храма св. Женевьевы в Париже, ему помогал иеромонах Евфимий (Вендт). В августе 1934 г. м. Мария сняла для своего пансиона более обширный дом на улице Лурмель, а под храм был перестроен гараж. В связи с этим она рассчитывала, что митрополит Евлогий прикрепит к ее пансиону священника, который сможет уделять больше времени насельницам, благотворно влияя на их духовную жизнь. У нее не было конкретной задачи организации женского монастыря на основе пансиона (как это часто бывало в дореволюционной России на протяжении веков), однако при отсутствии в тот период в Париже какой-либо обители для православных монашествующих такая мысль у окружающих напрашивалась сама собой. Для помощи в организации текущей жизни пансиона пришли несколько монахинь (Евдокия (Мещерякова), Бландина (Оболенская)), постоянными помощницами для м. Марии были ее собственные мать С. Б. Пиленко и дочь Гаяна.

В октябре 1936 г. к пансиону на улице Лурмель был прикреплен в качестве штатного священника архимандрит Киприан (Керн). Он, так же как и другие священники «Православного дела», не только духовно окормлял проживающих в пансионе, но и участвовал в проведении тематических бесед, лекций и др. Однако если о. Киприан и монахини Евдокия и Бландина ожидали перерастания пансиона в обитель по типу московской Марфо-Мариинской (благотворительное служение в сочетании с монастырским уставом), то м. Мария постепенно превращала свой приют в один из центров духовной и интеллектуальной жизни русской эмиграции. К ним даже переехала с бульвара Монпарнас религиозно-философская академия, основанная Н. А. Бердяевым. При этом сама м. Мария отдавала все силы в буквальном смысле прокормлению своей общины, а также всех нищих и бездомных, которые были в состоянии добрести до пансиона (она ежедневно добывала продукты и готовила для них еду) и, будучи активной участницей многочисленных литературных и философских мероприятий в Париже и за его пределами, не находила сил и времени не только для келейной молитвы, но даже для присутствия на уставном богослужении. Поскольку именно она была руководителем благотворительного объединения «Православное дело» и сама решала, что в его деятельности главное, а что второстепенное, в ее отношениях с о. Киприаном и другими насельницами назревал конфликт. Мудрый митрополит Евлогий, понимая аргументы обеих сторон, предоставил каждому возможность осуществлять его духовные устремления, как они это сами понимали: м. Мария продолжила свой подвиг общественного служения, завершившийся мученической кончиной в концлагере Равенсбрюк в апреле 1945 г., м. Евдокия основала в 1948 г. женский монастырь Покрова Пресвятой Богородицы в Бюсси, м. Бландина скончалась в обители Муазене (во Франции), которую окормлял и практически взрастил архимандрит Евфимий (Вендт),

МОНАХИНЯ ЕЛЕНА (ХИЛОВСКАЯ). АРХИМАНДРИТ КИПРИАН (КЕРН)...

также не разделявший взгляды м. Марии на монашескую жизнь, а архимандрит Киприан, 14 сентября 1939 г. официально освобожденный от должности настоятеля Покровского храма, с 1940 по 1960 г. был настоятелем церкви святых Константина и Елены в Кламаре — домовом храме семьи Трубецких.

«Маленькая кламарская церковь, пахнувшая ладаном и сухим деревом, простая, но столь изящная и намоленная... Здесь его любили, чттили, здесь, я думаю, чувствовал он себя именно дома. На Сергиевом подворье читал лекции, писал ученые сочинения — а в Кламаре служил, исповедовал, причащал»⁵⁹. «Описать его служение можно одним словом: оно было прекрасно. Прекрасным делала его, прежде всего, всецелая сосредоточенность на главном, всему классическому и подлинному свойственная экономия средств, движений, ритма... только красота, которая, достигая совершенства, сама претворялась в иную, высшую торжественность, в иную, подлинную красоту. Глядя на него... думалось: “Да, вот для такого служения написаны тексты наших служб, таким оно задумано, так оно живет...” Вся служба нарастала и раскрывалась, как небесная правда, сказанная, переданная нам»⁶⁰. «Он обводил меня вокруг престола Сергиевского подворья в день моей хиротонии, и перед его престолом, в кламарской церкви, прослужил я первые пять лет моего священства»⁶¹. «Он полюбил и воспринял глубоко и искренно некий “аромат” византийского Востока... стиль и дух его церковности, и воспринял преимущественно через богослужение. В своем литургическом благочестии, в манере служить... во всем своем внешнем церковном облике о. Киприан был действительно “византийцем”. Он полюбил, и воспринял, и воплотил в себе ту, почти неуловимую, но очевидную всем знающим Восток, царственность православия, сохранившуюся там несмотря на темные века турецкого ига»⁶². По воспоминаниям М. Н. Феннелл (о. Киприан исповедовал ее с 7-летнего возраста), «благодаря отцу Киприану для меня, да, наверное, и для всех наших прихожан по-новому открылись все церковные службы. Отец Киприан служил очень сдержанно, сосредоточенно, отрешенно, ясно; не было ни одного лишнего движения. Проповедовал редко, но... говорил ярко и сильно. Проповеди его никогда не длились больше трех-четырех минут. Особенно мне запомнились службы Великого поста»⁶³.

Жизнь о. Киприана проходила по строго замкнутому кругу: богослужение, молитва, лекции, научная работа в библиотеках либо в своей келье на территории Свято-Сергиевского института. Ходить в гости он не любил, принимал у себя только в строго отведенное время. Даже в летний период он очень ненадолго отлучался из Парижа, останавливаясь, как правило, в загородных домах своих духовных чад — Зайцевых, Ельяшевичей и др.

О. Киприан скончался в Париже 11 февраля 1960 г. «Он безвременно устал жить и видел во сне близких ему ушедших, которые его звали. Он предчувствовал свою кончину и мне о ней поведал. Заболев воспалением легких, несмотря на высокий жар [и морозную погоду], он все же захотел ехать и служить в Кламар... Храм тогда слабо отапливался... О. Киприан причастился Святых Тайн и потребил Святые Дары... Он скончался под утро 11 февраля, в день памяти св. священномученика Игнатия Богоносца, оставив

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

богословское наследие и благодарную о себе молитвенную память у множества своих духовных детей»⁶⁴. «Единственной истинной и светлой радостью для него было священническое служение и церковная жизнь. О. Киприан жил в настоящем, будущим для него была только жизнь после смерти, а прошлое исчезло совсем... Отпевали отца Киприана в русской церкви в Кламаре... согласно его желанию. Там же он и похоронен»⁶⁵.

Переводы святоотеческого наследия (в расширительном значении этого термина — канонических памятников, богословских творений, гимнографии, церковно-исторических сочинений) пришли на Русь вместе с принятием православия — некоторые творения и корпуса памятников были переведены еще первоучителями славянскими, святыми Кириллом и Мефодием, а также их учениками, организовавшими переводческие школы в Болгарии. Почти вся история славянской литературы до XVII в. включительно представляет собой по преимуществу историю переводческой деятельности. Современная филология и археография накопили огромный опыт по описанию, классификации, текстологическому и прочему анализу рукописей, как отечественных, так и зарубежных. Очень большое внимание уделяется личности переводчика: его идентификации, филологической культуре, принадлежности той или иной школе и т. п. Но что касается переводов и переводчиков XVIII–XIX столетий (как с греческого, так и с латыни), интерес исследователей здесь несопоставим по своей активности: за последние 300 лет не создано ни одного справочного издания, специально посвященного этому предмету. Единственная работа по истории вопроса⁶⁶ охватывает период всего лишь в 50 лет и носит обзорный характер, хотя ее значение невозможно переоценить, поскольку в свое время она была написана на архивных материалах Московской Духовной академии, ныне труднодоступных. Существует также несколько небольших статей, описывающих историю переводческих опытов в разных духовных учебных заведениях, некоторые сведения можно почерпнуть из соответствующих разделов исследований по истории духовных академий до 1917 г. Но все они отрывочны и неполны, тема ждет своего исследователя. Поэтому до сего дня справочник архимандрита Киприана при всех его недостатках не теряет своей актуальности.

Для анализа справочника, составленного архимандритом Киприаном, из нескольких вариантов термина, определяющего жанр (путеводитель, указатель, обзор), выберу первый — не только потому, что он является буквальным переводом французского «Guide», но и по причине не вполне ясно выраженных жанровых характеристик, которые свойственны указателю, обзору и другим библиографическим пособиям. В справочнике о. Киприана все параметры, связанные с типом подачи информации, проведены в жизнь без должной последовательности. Что же касается путеводителя, то он является более свободной формой изложения, и все отступления от правил или замысла можно списать на отсутствие законов жанра.

Цель составления «Путеводителя...» неизвестна, однако можно предположить, что, с одной стороны, о. Киприану хотелось в печатном виде зафик-

сировать рабочий материал, использовавшийся для лекций и исследовательской работы, а с другой, вероятно, ознакомить зарубежных коллег, патрологов и литургистов, с материалами в области переводческой деятельности на русский (иногда учитывая и церковнославянский) язык в отношении святоотеческих творений, а также документов и памятников церковно-исторической литературы. Как правило, любое справочное издание должно как-то сформулировать свою прикладную цель, определить в связи с этим свои границы, структуру и возможного потребителя информации. В данном «Путеводителе...» все это отсутствует, зато вызывает недоумение применение в русскоязычном материале французского языка — не только в предисловии (которое является обзором исследований и публикаций по истории вопроса и, таким образом, имеет самостоятельную научную ценность), но и в описаниях публикаций. Бессмысленный с точки зрения классической библиографии перевод на другой язык, не сопровождаемый языковым подлинником (хотя бы в латинской транслитерации), не предоставляет достаточных возможностей идентификации оригинала и, тем более, применения предлагаемой формы описываемой публикации при поиске, а только дает некое общее представление об источнике. Учитывая, что в то время (1950-е гг.) большинство студентов Свято-Сергиевского института были русскими (или русскоязычными), а иностранцы довольно быстро осваивали в необходимом объеме русский язык (на французский язык процесс обучения был переведен уже в середине 1970-х гг.)⁶⁷, можно предположить, что изначально «Путеводитель...» предназначался не для учебных целей, а для иноязычных исследователей — причем не столько для помощи в конкретных исследованиях, сколько для общей ориентации в теме. Возможно, что инициатива исходила от литургистов, представителей разных стран и различных конфессий, принимавших участие в «Литургических неделях», организатором которых до самой своей кончины был о. Киприан. Это впечатление создается при анализе содержания «Путеводителя...»: большинство вошедших в него публикаций относится именно к литургике.

Однако это само по себе не так удивительно, если понимать предмет патрологии (а также патристики) расширительно, а не как объем знаний, формально распределенный в определенный период истории духовных школ по учебным дисциплинам, — тогда в него неизбежно попадают и гимнография, и церковное право (точнее, его источники), отчасти библеистика (например, апокрифы) и ряд других направлений церковно-исторической науки. Все эти темы в той или иной степени отражены в «Путеводителе...».

В «Предисловии» («Объяснении» — *Avertissement*) архимандрит Киприан поясняет, почему он расширяет рамки термина «патристический» в том смысле, в каком его применяют в католическом богословии), как хронологические (выходя за пределы 636 г. для Запада и 749 г. для Востока), так и содержательные. «Православные патрологи отодвигают границы патристики значительно дальше. Архиепископ Филарет (Гумилевский) настаивает: «Ни VI, ни XIII вв. не служат окончанием, так как Церковь будет существовать до скончания веков и Святой Дух будет всегда творить в ней»⁶⁸. Вот

почему наш перечень охватывает тексты гораздо более поздние, мы сочли полезным указать сочинения XI, XIV и даже XIX веков... Что касается содержания текстов, оно тоже очень обширно. В нашем списке можно найти не только чисто богословские трактаты, но также и канонические сборники, гимнографические антологии, хронографы. Принадлежность к православному исповеданию тоже не является единственным критерием наших изысканий. Наряду с Отцами и Учителями Церкви наш перечень содержит немало инославных писателей-греков [так в тексте! — *м. Е.*] и латинян, армян и коптов и др. Имеется даже большое количество писателей нехристиан, особенно арабских, сочинения которых представляют определенный интерес для истории Церкви, догматов, обрядов и богословских идей»⁶⁹.

Самостоятельную ценность в «Путеводителе...» имеет «Введение» (Introduction), которое является историческим обзором русской патрологии с начала XIX в. по 1917 г. Однако сам текст «Путеводителя...» по хронологическим рамкам значительно шире русских исследований и переводов, объявленных автором: в справочнике присутствуют ссылки на издания XVII–XVIII вв., есть ссылки на публикации в ежегоднике Свято-Сергиевского православного института «Православная мысль», а также на переводы, помещенные в ежегоднике Академии наук СССР «Византийский временник» вплоть до 1949 г. В тексте «Введения» архимандрит Киприан перечисляет наиболее выдающихся русских патрологов — исследователей и переводчиков, иногда дает оценки их деятельности и в некоторых случаях сообщает дополнительные исторические сведения об упоминаемых лицах и условиях создания переводов. Этот обзор, вероятно, в течение длительного периода времени (советского, эмигрантского) мог являться опорным для составления плана как целостного, так и частных исследований по истории русской патрологической науки. В настоящее время он воспринимается уже как чрезмерно краткий и схематичный, хотя в России эта тема до сих пор в достаточной степени не освоена исследователями.

Сам автор нигде не указывает в полном объеме источники составления своего «Путеводителя...», однако их можно отчасти реконструировать. Кроме того, в списке сокращений приводятся сведения о ряде антологий и серий, из которых были взяты сведения о переведенных произведениях или их фрагментах. Очевидно, что многие издания автор «Путеводителя...» держал в руках и описывал *de visu* (например, творения св. отцов, вошедших в антологии и сборники «Добротолюбие» в переводе св. Феофана Затворника, «Деяния Вселенских Соборов», «Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии», «Собрание древних литургий», «Писания мужей апостольских», «Писания святых отцов, относящиеся к истолкованию православного богослужения, «Сочинения древнехристианских апологетов» и некоторые другие. В ряде случаев так же очевидно, что сведения взяты «из вторых рук»⁷⁰.

Наиболее уязвимыми выглядят описания публикаций в периодических изданиях. По-видимому, в библиотеках, которыми пользовался о. Киприан (в Париже, Белграде), не было не только полных комплектов русских богословских журналов (что вполне объяснимо в условиях эмиграции), но и ука-

зателей их содержания — даже тех относительно немногих, которые были выпущены в России до 1917 г. Такой естественный путь, как отбор публикаций по «ключам» для о. Киприана был, по-видимому, недоступен, поэтому читателя не оставляет ощущение случайности попадания в «Путеводитель...» тех или иных публикаций. Например, оговорено, что собрания творений (когда они есть) даны только по последним изданиям, однако у некоторых отцов они являются единственными представленными корпусами, без внутренней росписи и каких-либо делений (свт. Афанасий Александрийский, Григорий Нисский), у других добавлены отдельные (предварительные!) публикации в журналах и проч. (свт. Кирилл Александрийский, Григорий Богослов), а у некоторых (свт. Иоанн Златоуст) приведена достаточно подробная история изданий переводов с XVII в.

По поводу качества библиографического описания сам автор счел необходимым дать свои объяснения в «Предисловии» (пункт 4): «Надо признаться, что несмотря на наши изыскания, некоторые указания не всегда могли быть проверены удовлетворительно — досадная деталь, которая объясняется условиями, при которых этот труд был осуществлен. Мы постарались отыскать и указать все необходимые библиографические данные: даты издания, нумерацию томов, страниц, собрания комплектов журналов, имена переводчиков, употребив для славянских имен латинскую транскрипцию»⁷¹.

Схема описания в «Путеводителе...» выглядит следующим образом: автор (имя, дата кончины или век); данные публикации по изданию «*Patrologiae cursus completus*» J. Migne (если памятник опубликован там) — *Patrologia Graeca* или *Patrologia Latina*, номер тома (без указания колонок); заглавие на французском языке; переводчики с указанием их изданий (может быть указано несколько, начиная с XVII в.); краткие выходные данные. В отдельных случаях может быть включена аннотация, касающаяся характеристики автора, истории сочинения, перевода, публикации. Авторское «гнездо» может состоять из ряда сочинений или целых корпусов. Разные издания и переводы одного сочинения (творения), как правило, объединяются в одну позицию и вычленив их иногда оказывается не так уж легко. В ряде случаев учтены неизданные переводы.

Безусловным достоинством «Путеводителя...» в целом является качественная идентификация переводчиков, поскольку с XVII в. и до 1917 г. подавляющее большинство переведенных святоотеческих текстов не сопровождалось сведениями о переводчике — это касается не только многочисленных епархиальных и просветительских изданий, но и публикаций в научных и академических журналах. В ряде случаев Керн называет источники, послужившие основанием для идентификации. В целом при «ручном» подсчете на 767 (не пронумерованных в «Путеводителе...») позиций, обозначающих отдельные творения либо памятники, фрагменты, целые корпусы, идентифицированы приблизительно 650 переводчиков, а не установлены около 200. Несомненно, эти разыскания потребовали от о. Киприана огромных усилий и времени, поскольку ни в каких справочниках до него такая работа не проводилась (кроме упомянутых выше «Словаря» митрополита Евгения

(Болховитинова), «Обзора» архиепископа Филарета (Гумилевского), «Справочного словаря» Г. Геннади). Отчасти такая информация могла содержаться в указателях содержания богословских журналов (например, в указателях к журналу «Творения Святых отцов в русском переводе и Прибавления к изданию Творений Святых отцов...»⁷² были частично раскрыты авторы и переводчики помещенных там публикаций, возмещая таким образом недостатки полной анонимности в самом журнале), иногда в некоторых статьях «Православной богословской энциклопедии»⁷³, однако это скорее исключение, чем правило. Поэтому для изданий, не охваченных «Обзором» архиепископа Филарета (Гумилевского) — последнего по времени справочника, содержащего указания на авторов переводов, поиски такого рода чрезвычайно трудоемки и редко оказываются успешными. Вопрос о состоянии библиографической информации о переводчиках в области патрологического наследия вообще следует рассматривать особо, поскольку практически во всех справочных изданиях вопрос о переводческой деятельности находится на периферии внимания составителей и авторов, освещается редко, неполно и неточно.

Кроме вопроса о переводчиках к достоинствам «Путеводителя...» относится наличие такого параметра, отсутствующего в большинстве русских справочных изданий, как указание на рукопись — место ее хранения, шифр. Разумеется, и эти сведения присутствуют не всегда. Зато в качестве дополнительной информации в некоторых случаях имеются отсылки к публикациям в антологиях и сериях на западноевропейских языках (однако эти отсылки тоже не являются закономерностью).

Основные недостатки «Путеводителя...». Во-первых, как уже было сказано выше, заглавия публикаций даны в переводе на французский язык без транслитерации, что ставит перед читателем проблему идентификации: если типовые формулировки заглавий, например, «Sermons», «Homelies» (Слова, проповеди), «Lettre», «Epitre» (Послание), «Traite» (Трактат) и т. п., читатель может освоить достаточно легко, то что ему делать с переводами индивидуальных наименований, например «Pierre le Scandale»? (В данном примере это означает «Камень преткновенения» митрополита Кефалонийского Илии Минятия.) А в ряде случаев есть только косвенные указания, например, «три мариологические проповеди» (т. е. «Слова на праздники Пресвятой Богородицы»); во-вторых, неточность выходных данных (особенно в журнальных публикациях — могут отсутствовать и годы, и номера выпусков, и страницы публикации); в-третьих, неполнота в содержательном аспекте — нет логики и последовательности в отборе материала.

До появления «Путеводителя...» архимандрита Киприана русская патрологическая наука не имела достаточного справочно-библиографического обеспечения своей дисциплины (отрасли). Отчасти этот недостаток восполнялся сведениями, приводимыми в библиографических пособиях (словарях, обзорах и проч.), как в отношении авторов творений (памятников), так и в отношении переводчиков (см. приведенные выше: Евгений (Болховитинов), Филарет (Гумилевский) и проч.). Однако систематические обзоры появляются только с возникновением патрологии как учебной дисциплины

(одним из первых учебников можно считать предисловия и главы в «Историческом учении об отцах Церкви» архиепископа Филарета (Гумилевского) (учебник составлен в 1838 г., впервые напечатан в 1859 г.). Следует заметить, что при общей склонности русских научных изданий XIX и даже XX в. цитировать и ссылаться на других авторов в предельно условной форме (с сокращением заглавия, а иногда и имени автора; с отсутствием выходных данных; во многих случаях даже с «принудительной» русскоязычной версией всех данных, когда идентифицировать публикацию почти не представляется возможным, что часто происходит при переизданиях в настоящее время), владыка Филарет был в этом отношении практически безупречен — все его ссылки на издания творений, их переводов и исследований прочитываются без усилий. Однако этого почти никогда нельзя сказать о его последователях: в большинстве случаев необходимы дополнительные разыскания для уточнения даже основных данных. В нашу задачу не входит оценка библиографической оснащенности отечественных учебников и пособий по патрологии, но при отсутствии отраслевых библиографических пособий студенты и читатели неизбежно оказываются перед необходимостью черпать информацию исключительно из предшествующих монографий. И пока в течение XIX и XX вв. не прерывалась преемственность в накоплении и передаче знаний, в этом никто не видел большой беды. Проблема стала осознаваться после революции, в эмиграции, когда были потеряны и кадры преподавателей, и библиотечные фонды. В 1928 г. в Варшаве вышел библиографический обзор Н. Н. Глубоковского «Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии»⁷⁴, составленный прежде всего в педагогических целях и содержащий раздел «Патрология». В нем Глубоковский дает краткую историю развития патрологической науки в основных учебных пособиях, исследованиях и изданиях святых отцов. Разумеется, этот чрезвычайно краткий очерк не мог удовлетворить потребности в библиографических сведениях даже в крайне жестких условиях системы богословского образования в эмиграции (Духовная академия в Софии, богословские факультеты в университетах Варшавы, Праги и Белграда, Свято-Сергиевский богословский институт в Париже). Поэтому некоторые ведущие преподаватели патрологии и литургики (которую в расширительном смысле также можно считать ветвью патрологии) — протоиерей Г. В. Флоровский, Б. И. Сове, отчасти протопресвитер И. Мейендорф снабжали свои учебные пособия значительными по объему списками литературы, а также изданий памятников и творений святых отцов. Дальше всех по этому пути пошел архимандрит Киприан (Керн), не только оснастивший свои учебники обширными библиографическими обзорами («Патрология», «Золотой век святоотеческой письменности»), а также уделивший много внимания изданию источников в курсе лекций «Гимнография и эортология» по литургике, но и составивший свой «Путеводитель...».

Прямо или косвенно «Путеводитель...» повлиял на ситуацию библиографического обеспечения патрологической науки. В настоящее время созданы (и создаются) разного рода указатели — различного объема, тематического и языкового охвата и проч. Главная их цель — собирание отечественного

репертуара публикаций за всю историю переводческой деятельности в области христианских источников на Руси. На сегодняшний день можно говорить о серьезных достижениях в этом направлении: например, в 2004 г. вышел в свет указатель «Исихазм», подготовленный С. С. Хоружим (редактор А. Г. Дунаев). Данный справочник в нашей стране является уникальным по объему библиографической информации по богословско-исторической тематике. Он включает 10 266 обозначенных позиций на более чем 15 языках. При этом каждая позиция зачастую объединяет целую группу публикаций и аннотацию. Заявленная тематика — отражение корпуса «литературы мистико-аскетической (исихастской) традиции православия: издания текстов и материалов, описания и исследования, а также вспомогательные и справочные издания... Попыток описания всего этого необозримого моря литературы до сих пор никогда не предпринималось»⁷⁵. Между тем содержание справочника выходит далеко за рамки объявленной темы, включая литургику, гимнографию, богословие и даже церковно-историческую литературу (выборочно). Указатель по возможности полно освещает ситуацию с русскими переводами творений и памятников, в ряде случаев прослеживая историю переводов от самых ранних (церковнославянских) до современных. Учтены, следовательно, многие переводы, опубликованные в эпоху «советского безвременья» в светских изданиях (за отсутствием церковных), таких как «Античная древность и средние века», «Вестник древней истории», «Византийский временник», «Византийские очерки», «Палестинский сборник» и многих др. «Путеводитель...» архимандрита Киприана также широко использовался составителями. Однако в итоге в справочнике имеется достаточно много случаев неучтенных и неидентифицированных переводов, что, конечно, объясняется крайне неудовлетворительным состоянием аналитической росписи содержания русских (даже основных богословских) дореволюционных журналов, поскольку многие публикации не подписывались, и авторы исследований и переводов зачастую устанавливаются с помощью ссылок в монографиях либо в некрологах.

Поскольку работа по идентификации требует значительных усилий и времени, нынешние составители библиографических справочников совсем отказываются от такого рода деятельности. Например, указатель, который составлен коллективом студентов Московской Духовной академии под руководством игумена Дионисия (Шленова), «Библиографический указатель к “Творениям святых отцов в русском переводе”»⁷⁶. Данный справочник является более специальным жанром библиографического пособия и заведомо конечным по объему. Он учитывает творения в последовательности их расположения в издании, при этом каждая запись включает в себя латинское название с отсылкой к изданию Миня (если оно там отражено), *Thesaurus linguae graecae, versio E* (CD-ROM) (далее — TLG) и важнейшим патрологическим справочникам (*Clavis Patrum Graecorum* / Geerard M. Turnhout, 1974–1987, и проч.). Во вспомогательных указателях даны обратные соотношения — от TLG, PG и CPG к русским переводам, что кроме удобства поиска дает возможность учета переводов и наличия лакун. Благодаря указателю установлено, что количество не переведенных на русский язык творений

включенных авторов составляет, по разным оценкам, от 21 до 37% наименований по сравнению с установленными в мировой исторической науке корпусами. В подстрочных примечаниях редактор подробно отслеживает историю конкретного текста — его версий на языке оригинала, основных переводов на разные языки, публикаций. Значительное внимание при этом уделяется истории славяно- и русскоязычных переводов и изданий, благодаря чему корпус подстрочных примечаний сам превращается в некотором роде в патрологический справочник⁷⁷. Однако практически ни один из русских переводов не идентифицирован по его автору, общая ссылка (в предисловии к указателю) дается лишь на профессора П. С. Делицына, осуществлявшего окончательное редактирование переводов в течение первых 20 лет существования журнала «Творения святых отцов в русском переводе». Составители, вероятно, решили, что полностью эту работу увенчать успехом не удастся и не стали к ней прикасаться, поскольку ее объем по времени превышает тот, который потребовалось затратить на все остальные этапы составления указателя.

Примерно по той же схеме А. Г. Бондач составил «Библиографический указатель к «Деяниям Вселенских соборов»»⁷⁸, в основу которого положен русский перевод материалов Соборов, выполненный в Казанской Духовной академии в 1859–1873 гг. группой преподавателей (и, возможно, студентов) под общей редакцией ректора архимандрита Иоанна (Соколова) (впоследствии архиепископ). Указатель представляет собой роспись «актов, вошедших в «Деяния Вселенских соборов», и прежде всего, установления оригиналов каждого переведенного документа по современным критическим изданиям»⁷⁹. Автор предполагает сопроводить публикацию библиографических материалов историческим очерком перевода «Деяний Вселенских соборов» в ближайших выпусках журнала, поскольку эта задача требует изысканий в архивных фондах Казанской Духовной академии, находящихся в Национальном архиве Республики Татарстан.

В 1997 г. вышло 1-е издание библиографического указателя «Русские писатели-богословы: Историки Церкви», а в 1997 г. — «Русские писатели-богословы: Исследователи и толкователи Священного Писания», объединенные во 2-м издании 2001 г.⁸⁰ Справочник составлен сотрудниками Российской государственной библиотеки и московского Новоспасского монастыря и интересен для нашей темы своим включением в списки наследия ведущих богословов и историков Церкви конца XVIII — начала XX в. сведений об их переводческой деятельности. При том что состав имен в указателе вызывает недоумение своей «недостаточностью», а списки опубликованных сочинений разочаровывают крайней неполнотой (в указателе вошли только отдельно изданные книги и в ряде случаев журнальные оттиски), наличие отдельной рубрики «Переводы» значительно повышает статус издания в целом. К сожалению, эта рубрика тоже страдает неполнотой как по составу имен (из 59 персональных статей учтены переводы 14 авторов), так и по количеству учтенных публикаций.

Фундаментальный библиографический «Словарь книжников и книжности Древней Руси»⁸¹ издавался с учетом всей предыдущей справочной

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

и исследовательской литературы, отечественной и зарубежной, и в нем значительное место уделено переводчикам богословских и церковно-исторических текстов. В 3-м выпуске, посвященном XVII в., учтено более 40 имен книжников, имевших отношение к переводу и редактированию переводов святоотеческого наследия. При этом приведены все аргументы по идентификации текстов и персон, статьи содержат обширную библиографию полемического, исследовательского характера, историю изданий. Однако особенности языка самой эпохи — уже не церковнославянского, но еще и не русского не дают возможности использовать эту информацию для повседневной (даже академической) церковной жизни и могут применяться только в научных целях.

«Словарь русских писателей XVIII века»⁸² включает в свой словник ряд имен переводчиков богословской (и, следовательно, патристической) литературы, но в целом тенденции развития культуры в XVIII в. были направлены уже не на духовные, а на светские предметы, поэтому даже те переводчики, которые окончили Славяно-греко-латинскую академию и хорошо знали греческий язык, как правило, переводили светскую литературу (художественную, историческую, юридическую, научную, техническую и проч.) преимущественно с латыни, а также с современных европейских языков. Парадокс духовного образования той эпохи заключался в том, что даже в учебных заведениях духовного ведомства основное внимание при изучении греческого языка было сосредоточено на чтении и переводах классических (т. е. языческих) авторов, пренебрегая святоотеческими творениями. Поэтому в XVIII в. было издано весьма небольшое количество переводов святых отцов, и эту ситуацию отражает указанный справочник.

В «Православной энциклопедии» информация о переводах представлена многоаспектно. Во-первых, в персональных статьях о лицах, имевших опыты переводческой деятельности, эти факты могут быть отражены в самих текстах статей, а если переводы носят целостный характер (были переведены произведения, творения, памятники и проч.), то в конечном библиографическом списке образуется соответствующая рубрика («Пер.») с описанием публикаций и указаниями на архивы (если перевод остался неизданным). Во-вторых, в статьях, посвященных авторам произведений (творений) или самим памятникам, непременно анализируется история переводов (если таковые имеются) и идентифицируются не только выходные данные публикаций, но и по возможности переводчики, что, как было сказано выше, требует значительных усилий по разысканию соответствующих материалов и с каждым томом вводит в научный оборот целые пласты до сих пор малоизвестных, а зачастую и невостребованных по этой причине сведений. Кроме того, в конце многих томов (и сугубо — 5, 10, 15, 20-го) в справочных таблицах библиографических сокращений при расшифровке сокращения каких-либо публикаций (в особенности тех, которые можно отнести к сфере интересов патрологии), как правило, указываются не только выходные данные оригинала и фундаментального критического издания, но и русских переводов (иногда нескольких), что в максимально сжатом виде дает читателю основу справочника-путеводителя по патрологическим материалам. Разуме-

ется, этих сведений не может хватить исследователю, но они служат мощным подспорьем для студентов.

В настоящее время важными источниками русских патрологических материалов являются прикнижные и пристатейные списки литературы. В число наиболее значительных за последние десятилетия входят антологии «Писания св. мужей апостольских»⁸³; учебник А. И. Сидорова⁸⁴; «Сочинения древних христианских апологетов»⁸⁵; «Отцы и учителя Церкви III века»⁸⁶; «Отцы и учителя Церкви IV века»⁸⁷, а также ряд персональных монографий, посвященных как святым отцам и церковным писателям, так и исследователям-патрологам.

В настоящее время трудно судить о том, какую роль сыграл «Путеводитель...» архимандрита Киприана (Керна) в развитии патрологии на Западе, явился ли он катализатором дальнейших исследований в своей области, или его постигла участь большинства подытоживающих работ, которые пользуются уважением у специалистов, но редко используются в текущей исследовательской работе. Другое дело в России, где вскоре после 1917 г. не осталось ни специалистов-патрологов, ни доступной читателю патрологической литературы, и даже сам термин имел бытование только в чрезвычайно узком кругу студентов духовных учебных заведений. Тем не менее экземпляр «Путеводителя...» попал в библиотеку Московской Духовной академии (возможно, и в другие библиотеки). Естественно, что немедленно возник вопрос о его переводе на русский язык (вопрос о публикации этого перевода в те времена не мог быть решен положительно). Через некоторое время появилось некоторое количество машинописных версий перевода. Судьбу одной из них можно проследить.

По свидетельству Е. Л. Майданович (переводчик и редактор духовного наследия митрополита Сурожского Антония (Блума)), в начале 1970-х гг. Е. А. Карманов (тогда ответственный секретарь «Журнала Московской Патриархии») передал ей экземпляр предварительного машинописного перевода «Путеводителя...» для уточнений и редактирования перевода. Поскольку для Майданович французский язык является родным, и в тот момент она работала в библиотеке Московской Духовной академии, было естественно предположить, что фонды Московской Духовной академии обеспечат ей возможность произвести необходимые сверки, уточнения и, возможно, дополнения. Однако объем работы и многочисленность нетипичных частных проблем «Путеводителя...» не позволили завершить этот проект. Впоследствии к этой работе приступало еще немало людей вплоть до настоящего времени. Но если до начала 1990-х гг. цель подготовки текста справочника к русскому изданию была чисто умозрительной, то с возрождением издательской деятельности Русской Православной Церкви и расширением числа духовных учебных заведений в России она уже воспринималась как настоятельная необходимость. В частности, не могли пройти мимо этого материала и редакторы (а также авторы и библиографы) «Православной энциклопедии». Поэтому, вооружившись экземпляром «Путеводителя...» с правкой Майданович (которую она успела внести в свое время) и ознакомившись с рядом других

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

(анонимных) версий, несколько энтузиастов начали работу по «окончательному приведению текста к необходимому уровню качества». К сожалению, те вышеперечисленные недостатки «Путеводителя...», которые не очень портят впечатление во французском оригинале, становятся непреодолимым препятствием для осуществления русской версии в печатном виде. В итоге после многих безуспешных попыток и бурных дебатов было решено, что данный материал (уже частично сверенный и даже дополненный) не может быть предметом русскоязычной публикации, а при радикальной переработке в нем очень мало что остается от авторской версии архимандрита Киприана (Керна). Поэтому есть смысл пользоваться французским оригиналом и теми неофициальными машинописными копиями, которые разбросаны по многочисленным библиотекам. И, разумеется, настала пора приступить к созданию полномасштабного справочника по русским переводам и изданиям творений святых отцов.

* * *

В то время, когда данная статья готовилась к верстке, доктором филологических наук В. В. Шмидтом был опубликован справочник архимандрита Киприана (Керна)⁸⁸. Не претендуя на оценку публикации Шмидта, не могу, однако, не высказать своего отношения к ее качеству. Насколько можно судить, публикатор располагал ксерокопией машинописного текста, принадлежащей Синодальной библиотеке Московского Патриархата. Эту ксерокопию в конце 1980-х гг. я сделала для формирующегося фонда новой церковной библиотеки, взяв для этого экземпляр в библиотеке Московской Духовной академии. Последний представляет собой машинописный текст, являющийся весьма слабым переводом-подстрочником с французского, (автор которого, как уже было сказано выше, неизвестен), густо испещренный правкой и уточнениями Е. Л. Майданович. Не могу сказать, что этой правки было достаточно для осуществления научной публикации, но все же она могла бы оказать значительную помощь. В настоящее время приходится лишь посочувствовать господину В. В. Шмидту.

Существуют публикации с досадными оплошностями: неточности в переводе (включая искажение смысла из-за плохо выполненного подстрочника), ошибки в идентификации изданий (что практически лишает библиографический справочник его изначального предназначения), опечатки, отсутствие грамотного издательского оформления и проч. Любая из перечисленных оплошностей ставит под сомнение ценность подобной публикации, однако редко бывает так, чтобы они сошлись все вместе, как это произошло в работе, представленной Шмидтом. Очевидно, что не только не был сверен русский перевод с французским оригиналом, но и набранный текст не был вычитан хотя бы корректором, и по этой причине количество грубых орфографических ошибок не поддается исчислению. Например, на первой же странице «Введения» есть пассаж относительно «текстов Священного Писания», отсутствующий во французском оригинале (и вычеркнутый в свое время Е. Л. Майданович); далее сирийская патрология обозначена как «Древнеассирийская»

(каковой не может быть в принципе), древние (античные) христианские писатели превратились в «Антиохийских»; выдающийся филолог Н. Я. Марр стал неузнаваемым персонажем («тексты, подготовленные... П. Маррой», ниже он упоминается уже как Мерр). К этому прибавляется 5 грубых орфографических ошибок в библиографических описаниях на английском, французском и итальянском языках.

Следующая страница публикации приносит в отечественную науку много новых (или неузнаваемых?) фамилий патрологов: «Лобиков» (вместо Лобиков), «Захаров-Платонов» (вместо Сахаров-Платонов), «Таворов» (вместо Фаворов), «Хорцов» (вместо Скворцов) и др. Конечно, при таких обстоятельствах трудно ожидать от публикатора идентификации авторов и переводчиков, имевших монашеский и архиерейский сан (например, архимандрит Порфирий (Попов), епископ Леонид (Краснопевков), иеромонах Пантелеимон (Успенский) и др., поскольку этими уточнениями не озаботился и сам отец Киприан.

3-я страница публикации является библиографическим списком наиболее значительных русских патрологических исследований 2-й половины XIX — начала XX в. Если у архимандрита Киприана во французском оригинале этот список приведен в свободной форме (тем более, что перевод неизбежно искажает заглавие), то у публикатора сделана попытка привести библиографическое описание к более или менее строгой форме, что неизбежно требует профессиональной сверки хотя бы по библиотечным каталогам (которые нынче во множестве имеются в интернете). В итоге мы имеем неправильные инициалы авторов, совершенно искаженные заглавия книг и даже ошибки в годах изданий. Например (перечисления приводятся практически подряд): «Послания Климента Римского» А. Приселкова (СПб., 1868) на самом деле — «Обозрение Посланий св. Климента, еп. Римского, к Коринфянам» (СПб., 1888); «О Клименте Александрийском» А. Сагарды (СПб., 1911) имеет заглавие «Ипотипосы Климента Римского» (СПб., 1913); исследование А. Мартынова «Эсхатология св. Григория Нисского» (М., 1888) превратилось в «Антропологию» 1886 года издания; работа К. Скворцова «Исследование вопроса об авторе сочинений, известных с именем св. Дионисия Ареопагита» приведена в виде «О трудах Псевдо-Дионисия» с ошибкой в инициале автора; заглавие диссертации К. Д. Попова «Тертуллиан, его теория христианского знания и основные начала его богословия» укорочено до «О Тертуллиане» (с ошибкой в написании имени «Тертулиан») — продолжать этот список можно практически бесконечно. Далее, в «Предисловии» же, вполне известный в русской отечественной истории профессор С. П. Шевырев поименован Шверевым, «Невидимая брань» превратилась в «Невидимую борьбу», а русификация сведений о не переведившихся на русский язык учебников по патрологии (Rauschen, Altaner; Vardenhewer; Quasten — см. с. 534 публикации) делает поиск этих изданий доступным лишь для специалистов.

Что касается основного содержания «Путеводителя...», то количество того же рода оплошностей, к сожалению, ничуть не меньше. Ограничусь лишь несколькими примерами авторских заголовков святых отцов и христианских

ПАмяТНЫЕ ДАТЫ

писателей: Георгий Цедрен (в русской историографии принято: Кедрин), Георгий Амортол (нужно — Амартол), Георгий Никодидийский (в смысле — Никомидийский), Георгий Пахимора (нужно — Пахимер), Димитрий Кидопий (нужно — Кидонис), Иоанн Бекк (принято — Векк), Константин Гарменопулос (принято — Арменопул), Никифор Вриеппий (нужно — Вриенний), Орсисий, авва Тавернисистский (нужно — Тавеннисотский), и т. д.

Жаль, что так долго чаемая сообществом российских патрологов первая «историческая» публикация «Путеводителя...» архимандрита Киприана (Керна) вместо серьезного научного употребления войдет, по-видимому, совсем в другую историю — сатирическую историю научных казусов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бобринский Б., *протопресв.* Об архимандрите Киприане // Церковь и время. 2000. № 1(10). С. 157–162.
- ² Киприан (Керн), *архим.* Воспоминания о митрополите Антонии (Храповицком) и епископе Гаврииле (Чепуре). М., 2002.
- ³ Там же. С. 6.
- ⁴ Там же. С. 7.
- ⁵ Василий (Кривошеин), *архиеп.* Деятельность митрополита Антония // Василий (Кривошеин), *архиеп.* Воспоминания. Письма. Нижний Новгород, 1996. С. 34.
- ⁶ Никон (Рклицкий), *еп.* Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. 5. В эмиграции, 1920–1936 гг. Нью-Йорк, 1959. С. 30–31.
- ⁷ Белград—Париж—Оксфорд: (Хроника семьи Зерновых, 1921–1972). Париж, 1973. С. 23–25.
- ⁸ Косик В. И. Русская Церковь в Югославии. М., 2000. С. 115; Гуревич А. Л. История деятельности РСХД: 1923–1939 гг. М., 2003. С. 46–49.
- ⁹ Киприан (Керн), *архим.* Воспоминания... С. 12.
- ¹⁰ Там же. С. 13.
- ¹¹ Киприан (Керн), *архим.* Православное пастырское служение. СПб., 2000. С. 14.
- ¹² Киприан (Керн), *архим.* Воспоминания... С. 16.
- ¹³ Киприан (Керн), *архим.* Православное пастырское служение. С. 16.
- ¹⁴ Гавриил (Чепур; 19 декабря 1874 г.— 1 марта 1934 г.), архиепископ РПЦЗ. См. о нем: Косик В. И. Гавриил [Чепур] // Православная энциклопедия. Т. 10. М., 2005. С. 230–231.
- ¹⁵ Киприан (Керн), *архим.* Воспоминания... С. 123.
- ¹⁶ Там же. С. 124.
- ¹⁷ Там же. С. 125–126.
- ¹⁸ Там же. С. 132.
- ¹⁹ Там же. С. 149.
- ²⁰ Там же. С. 150.
- ²¹ Там же. С. 175–176.
- ²² Там же. С. 55.
- ²³ Там же. С. 56–57.
- ²⁴ Там же. С. 58.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. С. 20–21.
- ²⁷ «Теби се, Благодатна, радује свака твар...» // Хришћански живот. 1925. Бр. 10. С. 442–451; «Историјско развије текста епиклезе у литургији св. Јована Златоуста» // Там же. 1926. Бр. 10–12 и др.

- ²⁸ *Киприан (Керн), архим.* Крины молитвенные. Белград, 1928. Переизд.: *Киприан (Керн), архим.* Взгляните на лилии полевые: Курс лекций по литургическому богословию». Решма, 1999; *Киприан (Керн), архим.* Посмотрите на лилии полевые: Курс лекций по литургическому богословию. М., 2002.
- ²⁹ *Киприан (Керн), архим.* Письмо И. А. Бунину от 24 июля 1945 г. // *Бунин И. А.* Полное собрание сочинений в 13 т. Т. 12. Письма И. А. Бунина, 1901–1904 гг.; Малоизвестное: Переписка... с архим. Киприаном (Керном), 1940–1948 гг. [и др.]. М., 2006. С. 142.
- ³⁰ Следует иметь в виду, что даты пострига и хиротоний, приводимые обычно во всех источниках об архимандрите Киприане (Керне), относятся к юлианскому (церковному), а не гражданскому календарю.
- ³¹ *Киприан (Керн), архим.* Воспоминания... С. 76.
- ³² Там же. С. 90.
- ³³ Анастасий (Грибановский) с 1924 г. являлся наблюдающий за делами Русской духовной миссии в Иерусалиме.
- ³⁴ *Киприан (Керн), архим.* Воспоминания... С. 183.
- ³⁵ Из письма архимандрита Киприана. Цит. по: *Бобринский Б., протопресв.* Об архимандрите Киприане. С. 161.
- ³⁶ *Киприан (Керн), архим.* Воспоминания... С. 94–95.
- ³⁷ Левитство и пророчество, как типы пастырства // *Православная мысль: Труды православного Богословского института.* Вып. 3. Живое предание. Париж, 1937. С. 140–152.
- ³⁸ Пастырская проблематика: (О преподавании пастырского богословия) // *Путь.* 1939. № 58. С. 15–25.
- ³⁹ *Православное пастырское служение: Учебник.* Париж, 1957; переизд.: СПб., 1996, 2000.
- ⁴⁰ *Иларион (Алфеев), еп.* Архимандрит Киприан (Керн): священнослужитель, монах, богослов: К 100-летию со дня рождения // *Иларион (Алфеев), еп.* Православное богословие на рубеже эпох. Изд. 2. Киев, 2002. С. 69.
- ⁴¹ *Киприан (Керн), архим.* Православное пастырское служение. С. 14.
- ⁴² Отдельные лекции были напечатаны в разных журналах, а позже изданы в разных сборниках; см. также переизд.: *Пастырское богословие / Изд. Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря.* М., 1994.
- ⁴³ *Князев А., прот.* Сергиевское подворье: К 60-летию православного Богословского института в Париже // *Путь: Православный альманах.* 1985. № 5/6. С. 8.
- ⁴⁴ *Киприан (Керн), архим.* Воспоминания... С. 175.
- ⁴⁵ *Бобринский Б., протопресв.* Об архимандрите Киприане. С. 160.
- ⁴⁶ *Шмеман А., прот.* Памяти архим[андрита] Киприана (Керна) // *Шмеман А., прот.* Собрание статей, 1947–1983. М., 2009. С. 886.
- ⁴⁷ Там же. С. 887.
- ⁴⁸ *Тахиаос А. Э.* «Русская эпоха» в Париже // *Московия: К 60-летию Б. Л. Фонкича.* Вып. 1. М., 2001. С. 536.
- ⁴⁹ Обзор наиболее важных дореволюционных исследований на тему «паламизма» см.: *Сидоров А. И.* Предисловие // *Киприан (Керн), архим.* Антропология св. Григория Паламы. М., 1996. С. XVIII–XXVIII; *Асмус В., прот., Бернацкий М. М.* Григорий Палама // *Православная энциклопедия.* Т. 13. М., 2006. С. 8–37.
- ⁵⁰ *Киприан (Керн), архим.* Антропология св. Григория Паламы. С. XLII.
- ⁵¹ Там же. С. 263.
- ⁵² *Киприан (Керн), архим.* Ангелы, иночество, человечество: (К вопросу об ученом монашестве): [Речь на годовичном акте Православного Богословского института в Париже, 8 февраля 1942 г.] // *Церковь и время.* 1998. № 1(4). С. 141, 147, 151.
- ⁵³ *Тураев Б. А.* Проект обители ученых иноков // *Христианский Восток.* Новая серия. 2001. Т. 2(8). С. 370–375.
- ⁵⁴ Там же. С. 370–372.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

- ⁵⁵ К счастью для архимандрита Киприана, он не дожид до начала XXI в., когда эти монастыри почти совсем опустели, средний возраст доживающих свой век иноков насчитывает более 70 лет, а молодого пополнения не предвидится.
- ⁵⁶ *Зайцев Б. К.* Трудный путь: [Памяти архимандрита Киприана (Керна)] // Вестник РСХД. 1960. № 56. С. 46.
- ⁵⁷ *Guber P.* Byzance avant l'Islam. Т. 1 // Irénikon. 1952. 3 trim. P. 3; Les elements de la theologie de Gregoire Palamas. Т. 20 // Irénikon. 1947. P. 63; En marge de l'epiclesse // Irénikon. 1951. 2-e trim. P. 48 и др.).
- ⁵⁸ Мария (Скобцова, 1891–1945 гг.), в миру Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева, во 2-м браке Скобцова, известная поэтесса, журналистка, религиозный мыслитель.
- ⁵⁹ *Зайцев Б. К.* Архимандрит Киприан // *Зайцев Б. К.* Собрание сочинений. М., 1999. С. 203.
- ⁶⁰ *Шмеман А., прот.* Памяти архим[андрита] Киприана (Керна). С. 887.
- ⁶¹ Там же. С. 884.
- ⁶² Там же. С. 886.
- ⁶³ *Феннелл М. Н.* Архимандрит Киприан (Керн). 11.06.1899 – 11.02.1960 // Церковь и время. 2000. № 1(10). С. 186.
- ⁶⁴ *Бобринский Б., протопресв.* Об архимандрите Киприане. С. 162.
- ⁶⁵ *Феннелл М. Н.* Архимандрит Киприан (Керн)... С. 187.
- ⁶⁶ *Корсунский Н. И.* К истории изучения греческого языка и его словесности в Московской Духовной академии. М., 1894.
- ⁶⁷ *Озолин Н., прот.* Не реформа, а преобразование: Интервью // Встреча: Журнал Московской Духовной академии. 2003. № 1(16). С. 31.
- ⁶⁸ Историческое учение об отцах Церкви. Т. 2. СПб., 1882. С. XI.
- ⁶⁹ Цит. по машинописи: Les traduction russes des textes patristiques. Chevetogne, 1957. Перевод Издательского отдела Московской Патриархии, с дополнительной правкой Е. Л. Майданович; редактор перевода монахиня Елена (Хиловская).
- ⁷⁰ В число использованных для извлечения информации монографий, антологий, справочников, обзоров входят: *Филарет (Гумилевский), архиеп.* Обзор русской духовной литературы. Изд. 3. СПб., 1884; *Голубинский Е. Е.* История канонизации святых в Русской Церкви. Изд. 2. М., 1903 (указаны автором); возможно также использование справочников: *Геннади Г.* Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, и список русских книг с 1725 по 1825 г. Berlin, 1876–1907. В 4 т.; *Евгений (Болховитинов), митр.* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской Церкви. СПб., 1827; *Корсунский И. Н.* К истории изучения греческого языка и его словесности в Московской Духовной академии. М., 1894; *Дмитриевский А. А.* Опыт издания греческих церковных писателей древнейшего времени в русской патрологической литературе». СПб., 1905; *Родосский А. С.* Биографический словарь студентов первых XXVIII курсов СПбДА (1814–1869 гг. СПб., 1907), а также монографии по истории Киевской, Московской, Санкт-Петербургской и Казанской Духовных академий и некоторых духовных семинарий, в которых много внимания было уделено процессу становления переводческой деятельности в духовных учебных заведениях России.
- ⁷¹ Les traduction russes des textes patristiques.
- ⁷² «Творения Святых отцов в русском переводе и Прибавления к изданию Творений Святых отцов...» (1843–1891). Вып. 3. М.; Сергиев Посад, 1863, 1887, 1912.
- ⁷³ Православная богословская энциклопедия. СПб., 1900–1911. В 12 т.
- ⁷⁴ *Глубоковский Н. Н.* Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии (репринт – М., 1992; перенабор – М., 2002).
- ⁷⁵ *Хоружий С. С.* Предисловие // Исихазм: Аннотированная библиография. М., 2004. С. 15.
- ⁷⁶ Богословский вестник. 2003. № 3; 2004. № 4; 2005/2006. № 5/6.
- ⁷⁷ См. об этом подробно: *Елена (Хиловская), мон.* [Рецензия на:] Библиографический указатель к «Творениям святых отцов в русском переводе» / Под ред. иером. Дио-

- нисия (Шленова) // Богословский вестник. 2003. № 3; 2004. № 4; 2005/2006. № 5/6; *она же*. Библиографический указатель к «Творениям святых отцов в русском переводе» // Вестник церковной истории. 2006. № 3. С. 254–255.
- ⁷⁸ *Бондач А. Г.* Библиографический указатель к «Деяниям Вселенских соборов» // Богословский вестник. 2008. № 7. С. 401–436.
- ⁷⁹ Там же. С. 401–402.
- ⁸⁰ Русские писатели-богословы: Историки Церкви. Исследователи и толкователи Священного Писания. М., 2001.
- ⁸¹ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 1–4 (XVII в.). СПб., 1992–2004.
- ⁸² Словарь русских писателей XVIII века. Т. 1–2. Л., 1988–1999. Т. 3 — электронная версия.
- ⁸³ Писания св. мужей апостольских / Сост., подгот. к изд.: протоиерей В. Асмус, А. Г. Дунаев. Изд. 2. Рига, 1994 [Библиография: С. 407–441]; переизд.: М., 2003, 2008.
- ⁸⁴ *Сидоров А. И.* Курс патрологии: Возникновение церковной письменности. М., 1996 [Библиография: С. 323–345].
- ⁸⁵ Сочинения древних христианских апологетов / Сост., общ. ред.: А. Г. Дунаев. СПб., 1999 [Библиография: С. 782–942].
- ⁸⁶ Отцы и учителя Церкви III века. В 2 т. / Сост., биогр. и библиогр. ст. иером. Иларион (Алфеев). С. 13–20.
- ⁸⁷ Отцы и учителя Церкви IV века. В 3 т. / Сост., биогр. и библиогр. ст. иером. Иларион (Алфеев). С. 8–15.
- ⁸⁸ *Шмидт В. В.* От 60-летия «ВФ» к 80-летию «ИФ» («Патрология Россия: к обоснованию проекта и перспективах метафизического бытия “русского мира”») // Вопросы религии и религиоведения. Вып. 1. Ч. 4. М., 2009.